

намечаемых им стилистических систем, стремление подчинить все изложение схеме смены «византинизма» «европеизмом», ограниченность репертуара разбираемых памятников.

В своей монографии «Человек в литературе древней Руси» Д. С. Лихачев справедливо отметил, что «когда-то литературоведы сводили все дело к смене влияний: византийские влияния сменились-де западными, русские писатели, подражавшие византийским, стали писать на образец западных. Казалось бы, надо было показать, в чем же отличался этот западный „образец“ от византийского, но вопрос этот исследован не был. Между тем, если бы он был изучен, стало бы ясно, что перелом в литературе не может быть сведен только к смене „влияний“ (хотя самый факт усиления в XVII в. западных влияний не может подлежать сомнению), что дело заключается в новом понимании задач литературы, в новых методах художественного обобщения, в другом понимании человека, сюжета, жанра и т. д.»¹⁷ Приходится с сожалением отметить, что этот упрек, адресованный «старым литературоведам», может быть отнесен и к сравнительно недавно вышедшей монографии А. Стендер-Петерсена.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 119.